

— Боюсь, что это не очень-то вкусно...

— Одна промокашка, конечно, не очень вкусна,— прервал ее с волнением Рыцарь.— Но если смешать ее еще кое с чем — с порохом, например, или с сургучом — тогда совсем другое дело. Но здесь я должен тебя оставить...

Они вышли на опушку леса. Алиса вздрогнула от неожиданности — в эту минуту она думала только о пудинге.

— Ты загрустила? — огорчился Рыцарь.— Давай я спою тебе в утешение песенку.

— А она очень длинная? — спросила Алиса.

В этот день она слышала столько стихов!

— Она длинная,— ответил Рыцарь,— но очень, очень красивая! Когда я ее пою, все рыдают... или...

— Или что? — спросила Алиса, не понимая, почему Рыцарь вдруг остановился.

— Или... не рыдают. Заглавие этой песни называется «Пуговки для сюртуков».

— Вы хотите сказать — песня так называется? — спросила Алиса, стараясь заинтересоваться песней.

— Нет, ты не понимаешь,— ответил нетерпеливо Рыцарь.— Это заглавие так называется. А песня называется «Древний старичок».

— Мне надо было спросить: «Это у песни такое заглавие?» — переспросила Алиса.

— Да нет! Заглавие совсем другое. «С горем пополам!» Но это она только так называется.

— А песня эта какая? — спросила Алиса в полной растерянности.

— Я как раз собирался тебе об этом сказать. «Сидящий на стене». Вот такая это песня. Музыка собственного изобретения.

С этими словами он остановил Коня, отпустил поводья и, медленно отбивая такт рукой, запел с выражением блаженства на своем добром и глупом лице.

Из всех чудес, которые видела Алиса в своих странствиях по Зазеркалью, яснее всего она запомнила это. Многие годы спустя сцена эта так и стояла перед ней, словно все это случилось только вчера: кроткие голубые глаза и мягкая улыбка Рыцаря, заходящее солнце, запутавшееся у него в волосах, ослепительный блеск доспехов, Конь, мирно щиплющий траву у ее ног, свесившиеся на шею Коня поводья и черная тень леса позади. Она запомнила все, все до мельчайших подробностей, как запоминают поразившую воображение картину. Она прислонилась к дереву, глядя из-под руки на эту странную пару и слушая, словно в полусне, грустный напев.

«А музыка вовсе не его изобретения,— подумала Алиса.— Я эту музыку знаю. Это песня «Я все вам отдал, все, что мог...»

Она стояла и внимательно слушала Рыцаря, но рыдать — не рыдала.

Я рассказать тебе бы мог,
Как повстречался мне
Какой-то древний старичок,
Сидящий на стене.
Спросил я: «Старый, старый дед,
Чем ты живешь? На что?»
Но проскочил его ответ,
Как пыль сквозь решето.

— Ловлю я бабочек больших
На берегу реки,
Потом я делаю из них
Блины и пирожки
И продаю их морякам —
Три штуки на пятак.
И, в общем, с горем пополам
Справляюсь кое-как.

Но я обдумывал свой план,
Как щеки мазать мелом,
А у лица носить экран,
Чтоб не казаться белым,
И я в раздумье старца тряс,
Держа за воротник:
— Скажи, прошу в последний раз,
Как ты живешь, старик?

И этот милый старичок
Сказал с улыбкой мне:
— Ловлю я воду на крючок
И жгу ее в огне,
И добываю из воды
Сыр под названием бри.
Но получаю за труды
Всего монетки три.

А я раздумывал: как впредь
Питаться манной кашей,
Чтоб ежемесячно полнеть
И становиться краше.